

ВЛАДИМИР СКОРОДЕНКО

Мюриэл Спарк:

Вымышленная вселенная

[87]

ИЛ 2/2018

В классики Мюриэл Спарк (1918—2006) была зачислена литературной критикой еще при жизни. С первого же романа “Утешители” (1957) ее книги вызвали споры и разнобой мнений, и если не всегда воспринимались с восторгом, то неизменно с должным признанием талантов их автора. Романы Спарк охотно читали — и, судя по регулярным допечаткам в популярных недорогих изданиях, читают по сей день. Знакомство с ее произведениями предусмотрено программами средней и высшей школы, она лауреат литературных премий, удостоена почетных званий и наград ряда университетов в Британии и за ее пределами. Спарк состояла в Королевском литературном общества с 1963 года, в 1967-м была награждена орденом Британской империи и в 1993-м возведена в рыцарское достоинство.

Писательница родилась в семье инженера Камберга, окончила школу для девочек в Эдинбурге. Выйдя замуж за учителя Сиднея Спарка, она взяла фамилию мужа и уехала с ним в Родезию (1937), но вскоре они развелись. В самом начале 1944 года Спарк вернулась в Англию и до конца войны служила в отделе контрпропаганды военной разведки Министерства иностранных дел. После войны работала для издательств и журналов, была главным редактором “Поэтического обозрения” (1947—1948). Воспитанная в пресвитерианском вероисповедании, Спарк в 1954 году обратилась в католичество, что определило характер ее дальнейшего творчества. С 1963 года она жила в Нью-Йорке, а в 1967 году обосновалась в Италии. Она умерла во Флоренции и была предана земле в городке Чивителла-делла-Кьяно, где прожила последние тридцать девять лет.

Она писала стихи всю жизнь, начиная с девяти лет, считала себя поэтом и была права. Она изучала творчество английских писательниц XIX века и поэта-современника Джона Мейсфилда, опубликовала о них книги, чем снискала репутацию серьезного литературоведа, что тоже справедливо. Но к ее столетию четко установилось — прежде всего и в первую очередь, она прозаик, мастер повествования, создававший собственные художественные миры. Ее первая проза, рассказ “Серафим и Замбези” (1951) и зловещая, с элементами гротеска, притча “Птичка-‘уходи’” (опубликована в одноименном сборнике, 1958), основана на опыте ее жизни в Родезии.

Своеобразие прозы Спарк заявило о себе с ее первого романа “Утешители” (1957), в котором фантастика и эксцентриада производят некий “сдвиг” изображения в сторону абсурда, что становится сатирическим комментарием к изображаемому. Отсутствие личной жизни у религиозной шантажистки Джорджины Хогг демонстрируется буквально: засыпая, она исчезает, а вновь материализуется, лишь проснувшись. Героиня романа Каролина Роуз, пере-

жившая нервный срыв, слышит голос, диктующий ее мысли на пишущую машинку, слышит стук самой машинки и решает, что это работает писатель, в чьем замысле фигурирует ее судьба. Она чувствует себя внутри и одновременно вне текста, пока не решает сама написать роман, персонажем которого ее заставили быть, изменив ход его действия по своему желанию. Трудно поверить, что этот образец постмодернистской прозы был опубликован в 50-е годы прошлого века.

В начале пути Спарк поддержали английские писатели-католики Ивлин Во и Грэм Грин, но, скорее всего, не как единоверца, а как многообещающего молодого автора. Все трое, нужно заметить, не любили распространяться о своей вере, воспринимая ее как исключительно внутреннюю интимную данность. Грин поправлял критиков: он не католический писатель, а пишущий католик. *Alter ego* Спарк, начинающая писательница — героиня романа “Умышленная задержка” (1981), утверждает: “У меня было мое искусство, чтобы им заниматься, жизнь, чтобы жить ею, и вполне достаточно веры; а для всяких сообществ и индульгенций, постов, праздников и обрядов у меня просто не было ни времени, ни предрасположенности”. Но вера действительно изменила ее взгляд на мир.

В вымышленной вселенной Спарк все соотнесено с точкой отсчета — четырьмя последними достоверностями, как они изложены в католическом “Начальном катехизисе” и приведены в эпитафии к роману “Memento mori” (1959): “Смерть, Страшный суд, Ад и Рай”. Истины эти по определению предполагают бессмертие души и свободу выбора между добром и злом. Поэтому в книгах Спарк сопоставляются и противопоставляются два образа жизни и системы поведения: в согласии с этими истинами, не обязательно осознанно религиозном, чаще житейски-интуитивном, — и существование даже не в опровержении этих истин, а так, словно их не было и нет. Из этого возникают ее гротески: правда оказывается причудливее вымысла, а бездуховная реальность, питающая смертные грехи убийства, гордыни, любострастия, зависти и иные, сплошь и рядом оборачивается абсурдом. Причем абсурд этот не хаотичен — он упорядочен, системен, логичен, хотя и не обязательно отвечает знаменитой парадоксальной формуле Марка Твена: “Правда удивительнее вымысла, потому что вымысел обязан держаться в рамках правдоподобия, а правда — нет”.

История XX века подтверждает убеждение Спарк в том, что лишиться человека свободы воли, то есть выбора между спасением и проклятием, — грех едва ли не страшней человекоубийства. К теме манипулирования людьми и их сознанием она возвращалась с завидным постоянством, рисуя выразительные образы “манипуляторов” — личностей ущербных, отталкивающих, но наделенных определенной демонической силой. Оно, манипулирование, как и убийство, воплощает в глазах писательницы конечную форму растления души и приобретает под ее пером характер злой и беспощадной социальной сатиры, критики нравов, политических и идеологических систем и их практик, например, фашизма (“Мисс Джин Броди в расцвете лет”, 1961) или бесстыжей политической коррупции (“Аббатиса Круская”, 1974). Быть может, поэтому советские цензоры не очень придирались к Спарк, несмотря на жутковатый оттенок ее фантазмагорий.

На русский язык переведены почти все рассказы Спарк, биографии Мэри Шелли, автора “Франкенштейна”, и Эмили Бронте и 14 романов из 22 — все 22, исключая “Мандельбаумские ворота” (1965), невелики по объему. Хотелось бы думать, что переведены все значительные и знаковые ее книги, но со Спарк, как со многими классиками, все не так просто. Абсолютная и сравнительная оценка тех или иных ее произведений менялась и при ее жизни, и после смерти. Например, давно и необратимо признанный лучшей книгой Спарк роман “Мисс Джин Броди в расцвете лет” был при своем появлении довольно прохладно аттестован видным критиком, а впоследствии весьма успешным романистом Дэвидом Лоджем (см. с. 215 данного номера). Поэтому лучше сказать осторожно: и среди непереведенных романов Спарк — помимо “Мандельбаумских ворот”, этого масштабного и пронизательного художественного исследования проблем веры, искупления, расовой и национальной нетерпимости на Синае, — остаются более чем достойные произведения. Одну из таких лакун восполняет публикуемый в номере перевод повести “Теплица над Ист-Ривер” (1973). Каждый читатель, естественно, по-своему истолкует этот сложный текст и сюжет, способный привести на память строку Анны Ахматовой — “посмертное блуждание души”.

В этот юбилейный “Литературный гид” включены также стихотворения Мюриэл Спарк, впервые представляющие ее в России как поэта. Мария Фаликман вводит нас в мир ее зрелой поэзии, сдержанной в эмоциях и “поэтизмах”, но напряженной в мысли и чувстве. Поистине конспект прозы Спарк: “Судьба, беседа, колокольный звон”. Стоит обратить внимание и на перевод тем же мастером трех поэтических фрагментов Спарк в рецензии Ф. Кермуда на полное собрание ее стихотворений. Подборка рецензий — все они опубликованы при жизни Спарк и принадлежат отнюдь не второстепенным мастерам английской словесности — призвана помочь составить объемный творческий портрет писательницы. Дополнительные штрихи в него вносят ее восхитительно мудрое и ехидное выступление на церемонии вручения премии за утверждение нравственных ценностей с риторическим вопросом и тут же ответом на этот вопрос: “Что может быть лучше в борьбе с глупостью, вульгарностью, жестокостью и грубостью, чем осмеяние и сатира? Осмеяние — мощное и действенное оружие. В современном мире его следует изучать как выразительное средство честной литературы”. И эссе о непарадной, вне сезона и потока туристов, Венеции. Зимней. Запущенной. Неотразимой. Какой любил ее Иосиф Бродский.

Притом что Спарк уже состоявшийся классик, какие-то вопросы о ее творчестве и смысле ею рассказанного так и останутся без ответа. Разной в понимании этого смысла никуда не денется. При этом ее изображение в полный рост по-прежнему будет радовать посетителей Национальной портретной галереи Шотландии, а в Эдинбурге будут все так же показывать женскую школу Гиллеспи, в которую девочкой ходила Спарк и с которой списала другую школу — ту, где пестовала избранных мисс Джин Броди. И миссис Спарк будет не без юмора взирать на это. Сказано же в Библии — по вере каждого. Так что она-то уж точно будет взирать.

Сомнений и неясностей здесь почему-то не возникает.